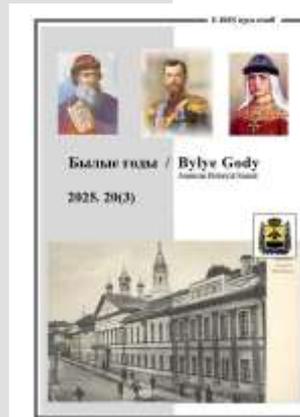

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1085-1094
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1085

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of the Russian Researchers of the 18th–19th centuries in Museification of Turkic Stone Sculptures of Kazakhstan

Maral K. Khabdulina ^a, Ayagoz K. Sultanova ^{a, *}

^aL.N. Gumilyov Eurasian national university, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the 2nd half of the 19th century, the activities of the Turkestan Circle of Archaeology Enthusiasts and the Imperial Russian Geographical Society played a significant role in the establishment of the first museums in Kazakhstan. The development of museology was influenced by the cultural policy of the Russian Empire. The first objects of study for Russian researchers who entered the Kazakh steppes were stone sculptures from the Turkic period. These monuments, being the most prominent and visually striking, became the first exhibits. The significance of these artifacts for historical science was recognized, along with a pressing need for their preservation and popularization.

The aim of the study is demonstration of the transformation Turkic stone sculptures from natural landscape elements into full-fledged museum exhibits. Particular attention is given to the stages of museification of Turkic stone statues, from the earliest archaeological explorations and artifact collection in the 18th century to the establishment of museums.

The research applies chronological and historical-genetic methods, as well as source analysis and content analysis of documents for comparative purposes.

Museums evolved from simple repositories into active centers for the preservation, study, popularization of archaeological findings and tools for educational engagement.

Keywords: museification, Kunstkamera, exposition, Kazakhstan, ancient Turkic culture, stone sculptures, Turkestan Circle of Archaeology Enthusiasts.

1. Введение

Исследование каменных изваяний и письменных памятников тюрков насчитывает более двух столетий. Этот процесс начался со сбора материалов первыми академическими экспедициями в середине XVIII в. и достиг своего пика в планомерных раскопках, позволивших выявить и зафиксировать значительное количество археологических объектов. Обнаруженные и изученные археологами, этнографами и военными офицерами Российской империи, эти памятники нашли отражение в их многочисленных научных трудах. Важным этапом в сохранении и популяризации результатов этих исследований стала музеефикация тюркских памятников, среди которых особое место занимают каменные изваяния и письменные стелы.

Цель данной статьи – показать сложный процесс перевода каменных изваяний из их изначального положения как сакральных объектов ландшафта в полноценные музейные экспозиции. История создания музеев в Казахстане неразрывно связана с развитием музейного дела в Российской империи и продолжается по сей день (Ibrayeva, Sydykov, 2024: 128).

Особую роль в исследовании и сохранении археологических материалов в XVIII–XIX вв. сыграли Императорская Академия наук и Кунсткамера, основанные по инициативе Петра I. В изучении непосредственно предметов тюркской эпохи ключевое значение имел Туркестанский

* Corresponding author

E-mail addresses: gozka16@gmail.com (A.K. Sultanova)

кружок любителей археологии (Веселовский, 1900: 10). Члены кружка, в числе которых были такие выдающиеся тюркологи и археологи, как В. Радлов (Радлов, 1893), Н. Ядринцев (Ядринцев, 1885), В. Бартольд (Бартольд, 1897), А. Уваров (Уваров, 1871), внесли огромный вклад не только в изучение исторического и археологического наследия тюрков, но и одними из первых сформировали коллекции археологических предметов. Эти коллекции стали основой для музеев в Оренбурге, Ташкенте, Самарканде, Алматы и других городах Центральной Азии.

Одной из самых серьёзных проблем в процессе сохранения каменных стел и тюркских изваяний являются природные и техногенные факторы. Многие археологические памятники подвержены эрозии и влиянию природных условий, разрушаясь естественным образом. Кроме того, значительное негативное воздействие оказывает и деятельность человека: строительство различных объектов на протяжении нескольких столетий и акты вандализма привели к утрате большого количества памятников. С XVIII–XIX вв. эти проблемы остаются актуальными, что подчёркивает значимость музеефикации, позволяющей сохранить артефакты для дальнейшего изучения и защиты от внешних угроз.

2. Материалы и методы

В качестве материалов для исследования были использованы указы Петра I о «принесе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей» от 1718 г. (ПСЗРИ, 1718: 541-542) и учреждении Императорской Академии наук от 1724 г. (ПСЗРИ, 1724: 220), собранные в Полном собрании законов Российской империи. Также были привлечены отчёты археологических и этнографических экспедиций российских учёных, таких как А. Уваров (Уваров, 1871), Н. Веселовский (Веселовский, 1900; Веселовский, 1915), Д. Мессершмидт (Путевой журнал..., 2021) и другие.

Реферат Ф.Н. Педашенко об археологических находках в окрестностях города Семипалатинска (Педашенко, 1903), а также «Обзоры Семипалатинской области» за 1883 г. (Обзор Семипалатинской..., 1884) и 1903 г. (Обзор Семипалатинской..., 1904) предоставили ценную информацию о формировании археологической коллекции в дореволюционный период и об открытии Областного музея. Согласно этим Обзорам, музей рассматривался как учреждение образования, что наглядно демонстрирует трансформацию функций музея от простого хранилища до просветительского центра. История Семипалатинского областного музея с момента открытия и его функционирования до 1927 г. представлена в «Кратком историческом очерке Семипалатинского музея» А. Адрианова (Адрианов, 1929).

При изучении процесса формирования музейной коллекции тюркских изваяний был использован историко-генетический метод. Он позволил проследить эволюцию музеефикации археологических материалов тюркской эпохи, начиная с XVIII в. – периода первых исследований и сбора археологических коллекций – до формирования полноценных музейных экспозиций с целью сохранения, изучения и просвещения. Помимо этого, было проведено сравнение изменений в музейной политике в вопросах сбора и хранения тюркских памятников. Для проведения подобных сравнений был применён метод контент-анализа документов. Использован принцип структурной принадлежности музеев в процессе трансформации их функциональных задач.

3. Обсуждение

Данное исследование процесса музеефикации тюркских каменных изваяний в XVIII – начале XX в. органично вписывается в широкий контекст изучения истории российского востоковедения, археологии и музейного дела на территории Центральной Азии. Проведённый анализ позволяет не только подтвердить известные факты, но и углубить понимание механизмов, движущих сил и изменений в области сохранения археологического наследия.

Особое внимание в нашей работе уделено деятельности Туркестанского кружка любителей археологии, который сыграл ключевую роль в систематизации исследований и сборе коллекций в регионе. Глубокое понимание вклада этого учреждения невозможно без обращения к фундаментальной работе Б.В. Лунина «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.)». Исследование Лунина исчерпывающе раскрывает деятельность членов Туркестанского кружка любителей археологии, их экспедиции, методы работы и, что особенно важно для нашего исследования, их прямое и опосредованное участие в процессе музеефикации каменных изваяний. Работа Б. Лунина является незаменимым источником для понимания того, как научное сообщество того времени формировало подходы к сохранению и представлению тюркских памятников (Лунин, 1958).

Ранний период изучения тюркских древностей, охватывающий XVIII в., во многом связан с первыми академическими экспедициями. В этом контексте неоценимым источником является работа Д.Г. Савинова, представившего детальный список артефактов, обнаруженных в ходе экспедиции Д.Г. Мессершмидта (Савинов, 2021). Эти данные позволяют реконструировать первоначальные этапы сбора археологических материалов и дают представление о том, какие именно объекты становились предметом интереса исследователей задолго до появления полноценных музейных структур в регионе. Сопоставление этих ранних находок с последующими музейными коллекциями позволяет проследить динамику формирования предметного состава фондов.

Понимание институциональных основ ранней музейфикации в Российской империи невозможно без изучения истории Кунсткамеры. Книга «Летопись Кунсткамеры» является ключевым источником, позволяющим проследить эволюцию этого учреждения, его роль в сборе и хранении древностей, а также влияние на формирование общеимперской политики в отношении артефактов (*Летопись Кунсткамеры, 2014*). Это позволяет увидеть, как первые коллекции, в том числе и те, что могли быть связаны с тюркским наследием, интегрировались в государственную систему хранения и изучения.

Трансформация государственной политики Российской империи в отношении музеев и археологического наследия глубоко проанализирована в труде «Музей и власть» (*Музей и власть, 1991*). Эта работа даёт возможность понять, как идеологические, политические и культурные установки влияли на процессы сбора, хранения, экспонирования и интерпретации археологических памятников, в том числе и тюркских изваяний. Применение выводов этой книги к контексту Казахстана позволяет выявить специфику региональной музейной политики и её зависимость от имперских директив.

Важные аспекты развития музейного дела в Казахстане, охватывающие более поздний период, осмыслены в работах казахстанских исследователей. Исследование Г.Ш. Файзуллиной и С.А. Асановой (*Файзуллина, Асанова, 2022*), а также работа А.Г. Ибраевой (*Ибраева, 2012*) об истории музейного дела Казахстана предоставляют ценный региональный контекст. Они позволяют увидеть, как имперская политика преломлялась на местном уровне, как формировались первые региональные музеи и как происходило становление собственных казахстанских подходов к сохранению и популяризации археологического наследия тюрков. Эти работы дают возможность сравнить процессы, происходившие в Казахстане, с общими тенденциями развития музейного дела в империи.

4. Результаты

Процесс музейфикации тюркских изваяний демонстрирует трансформацию роли музейных экспонатов, начиная с простого сбора в целях сохранения наследия и возможного изучения, заканчивая использованием данных артефактов в качестве предметов культурной идентичности (*Khabdulina, Koshman, 2023*).

В результате исследования обозначены этапы эволюции роли тюркских каменных изваяний: от необходимости изучения их как научных объектов, сбора их как предметов археологических коллекций и придания им просветительских функций.

Первым серьёзным исследованием каменных изваяний является доклад русского археолога, члена-корреспондента, почётного члена Петербургской Академии наук графа Алексея Сергеевича Уварова «К вопросу о каменных бабах», зачитанный на Первом археологическом съезде в Москве в 1869 г. Автор доклада проделал колоссальную работу по сбору основных материалов о предыдущих исследованиях, местонахождении, тщательном описании «каменных баб». Приведены изображения некоторых каменных изваяний, которые были обнаружены на территории Европы, России, Украины, Кавказа и Казахстана. Для обозначения каменных изваяний используются различные определения, такие как «каменные бабы», «баба», «истукан», «сибирская баба», «девица-камень», «старая-баба камень», «девичий камень», «женская каменная баба», «женщина-камень», «мужчина-камень», «большая женщина», «колоссальная баба», «женский истукан», «каменный истукан» (*Уваров, 1871*).

А.С. Уваров также приводит сведения путешественника Гильома де Рубрука, естествоиспытателя и путешественника Петра Симона Палласа, академика Императорской академии наук и художеств Василия Федоровича Зуева, исследователя природы России Иоганна Петера Фалька, археолога и натуралиста Фредерика Дюбуа де Монперё, члена-корреспондента Петербургской академии наук Григория Ивановича Спасского (*Уваров, 1871*).

Опираясь на обзор сведений о каменных изваяниях и мнений, изложенных исследователями о происхождении этих памятников, граф Уваров привёл несколько заключений. Во-первых, различия в обработке говорят о том, что обнаруженные каменные изваяния относятся к разным периодам. Во-вторых, он делает попытку территориальной классификации по внешним признакам. В-третьих, изображения отдельных предметов вооружения, украшений и одежды являются признаками высокой степени развития и «доказывают развитие домашнего быта и домашних занятий» (*Уваров, 1871:515*). Также здесь отмечено, что наличие мужских и женских каменных изваяний является показателем равного положения между мужчинами и женщинами и «равного права на памятник». Следующий вывод звучит так: «Своеобразие всех этих истуканов и совершенное отсутствие подражаний греческой скульптуре неоспоримо доказывают, что ваяние развилось у этого народа совершенно самостоятельно и с полным сохранением народного характера» (*Уваров, 1871: 515*). И, наконец, в-пятых, в докладе была сделана попытка хронологической классификации каменных изваяний. Он делит их на 3 эпохи: 1. пограничный период между бронзовым и железным веками, 2. железный век, 3. VI век, «когда христианство начало распространяться в древней Сарматии или нынешнем Кавказском крае» (*Уваров, 1871:517*).

4.1. Сбор коллекций для сохранения историко-культурного наследия.

Важную роль в создании музеев, в том числе в сохранении памятников тюркской эпохи, сыграл Пётр I. Главным событием было открытие Кунсткамеры в 1714 году (*Палаты Санктпетербургской...*,

1741). Кунсткамера была задумана царём во время его первого путешествия в Европу, что дало большой толчок в развитии науки, например, открытию Академии наук.

1719 г. стал поворотным в истории Кунсткамеры – музей стал общедоступным для населения (*Летопись Кунсткамеры*, 2014: 4). На протяжении более ста лет коллекция Кунсткамеры как музея пополнялась, что привело к расширению и созданию узко специализированных отделов. Например, в 1818 г. по распоряжению президента Академии наук С.С.Уварова был создан «Восточный кабинет» – отделение для «медалей, рукописей и книг восточных». Важно также учитывать наследие Этнографического музея, который выделился, как и другие отделения Кунсткамеры, в 1836 г. В реестре этнографического материала находятся различные каменные изваяния, некоторые из них были обнаружены у побережья р. Абакан (*Летопись Кунсткамеры*, 2014: 4-5).

В 1718 г. был издан указ о «приносе родившихся уродов, а также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Коммендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» (*ПСЗРИ*, 1718: 541). Помимо родившихся «уродцев», а также чучел различных животных, в перечне собираемых вещей были необыкновенные камни, костные останки людей и животных, «старые подписи» на камнях, железе или меди, «старое и ныне необыкновенное» оружие, посуда (*ПСЗРИ*, 1718: 542). Можно с уверенностью сказать, что с этого момента начался процесс охраны различных исторических памятников. Благодаря этому указу также началась экспедиция Даниэля Готлиба Мессершмидта.

Летом 1721 г. экспедиция вышла к долине реки Уйбат, где было открыто большое количество древних курганов, среди которых были стелы со скульптурными изображениями и фантастическими масками. Среди множества курганных стел были найдены и первые рунические надписи. В рукописи Д.Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata» приводятся археологические материалы, обнаруженные в ходе экспедиций 1720-х гг. Среди них: каменные изваяния, наскальные изображения, культовые изделия, зооморфные изображения, в том числе изображения птиц, украшения, средневековые монеты, предметы конского снаряжения и вооружения, зеркала, металлические и глиняные сосуды, а также золотые зооморфные украшения. Согласно исследованиям Д.Г. Савинова данные находки охватывают период от раннескифского до монгольского времени по современной периодизации археологических памятников Южной Сибири (*Савинов*, 2021: 252-265).

Согласно атрибуции обнаруженных археологических материалов, некоторые предметы были сохранены, а судьба других памятников неизвестна. Например, каменное изваяние, открытое Д.Г. Мессершмидтом в 1722 г., в 1925 г. было вывезено С.А. Теплоуховым в Санкт-Петербург и до сих пор хранится в Российском этнографическом музее. А изваяние Куртуяк-таш («Старуха-камень» из Усть-Абаканской степи) с 1954 по 2003 г. хранилось в Абаканском музее (*Липский*, 1970: 6), а с 2003 года было перевезено на предыдущее место по требованию местных жителей, где были созданы специальные условия охраны памятника (*Савинов*, 2021: 255).

Немалую роль в создании музейных коллекций различных археологических предметов эпохи тюрков сыграл Туркестанский кружок любителей археологии. Во второй половине XIX в. большие территории Центральной Азии были под пристальным контролем Российской империи. Политическое и военное давление центра было направлено также и на исследовательскую деятельность по причине «вопиющего незнания географии, не говоря уже об экономике» (*Наливкин*, 1913: 60).

Многие исследователи XVIII-XIX вв. утверждали о том, что археология не была привлекательна для представителей администрации, поэтому в записях, письмах и других письменных материалах часто можно найти описания случаев вандализма в отношении исторических памятников (*Веселовский*, 1900: 10-11; *Жебелев*, 1948: 9). Завоевание Средней Азии, дальнейшее укрепление российских сил на этой территории, определение сфер влияния России и Англии, расширение сети железных дорог привели к большому интересу к прошлому и настоящему Туркестана.

В Туркестанском кружке любителей археологии особое место занимают коллекционеры и собиратели древностей. Большую часть коллекционеров привлекала нумизматика, но они также занимались сбором различных археологических материалов. Известно, что нумизматические коллекции были у генералов А.К. Абрамова (Самарканд, Ферганская долина), Н.Н. Головачева, А.С. Галкина (Кульджинский район), генерала А.В. Комарова (Ашхабад). О генерале Александре Виссарионовиче Комарове высказывались его современники – востоковед Владимир Густавович Тизенгаузен и археолог, нумизмат Алексей Константинович Марков, как о «неутомимом собирателе и любителе восточных монет» (*Лунин*, 1958: 38). Но кроме этого у генерала Комарова было немалое собрание ценных археологических материалов, которые он позже передал в дар Русскому археологическому обществу. А монеты дополнили нумизматическую коллекцию Эрмитажа.

4.2. Археологические коллекции как основа для исследования и популяризации.

Следующим шагом Петра Великого в сохранении и изучении историко-культурных ценностей было создание Петербургской Академии наук. Изначально главной целью Академии было распространение знаний и возможность обучать представителей местного населения в качестве будущих исследователей и членов Академии наук (*Пекарский*, 1870: 13-15). Петербургская Академия наук, позже названная Императорской, была учреждена указом Императора от 28 января 1724 г.,

согласно которому академики должны не только делать новые открытия, но и совершенствовать имеющиеся знания ([ПСЗРИ, 1724: 220-224](#)).

Вторая половина XIX в. является периодом формирования и расцвета археологии как науки. Именно в этот период стали известны имена таких археологов и востоковедов, как В. Радлов, В. Томсен, Н. Ядринцев, В. Бартольд, А. Уваров и др., внёсших большой вклад в изучение тюркского наследия. Кроме этого, увеличивалось количество разных институтов, развивающих археологию, таких как Исторический музей в Москве, Московское археологическое общество, Русское археологическое общество и др. ([Веселовский, 1900: 10-11](#)).

«Собиратели древностей», прибывшие на службу в южные земли Российской империи, охватывающие современные территории Центральной Азии, передавали свои коллекции в дар музеям в Ташкенте, Оренбурге, Самарканде, а также создавали свои собственные частные музеи. Вероятно, передача таких больших собраний археологических и нумизматических материалов связана с переездом или смертью самих коллекционеров, а также постепенным проникновением государства в систему научных познаний. Во второй половине XIX в. археология и этнография становятся самостоятельными историческими дисциплинами, поэтому наследие таких энтузиастов должно было быть под особым контролем государственных организаций ([Музей и власть, 1991: 51](#)). Настроение граждан пореформенной России высказал профессор Петербургского университета Константин Николаевич Бестужев-Рюмин: «Народ, желающий быть великим народом, должен знать свою историю... велик только тот народ, который ясно сознает свое историческое призвание... Музей – одно из самых могущественных средств к достижению народного самосознания» ([Музей и власть, 1991: 50](#)).

В связи с подобными изменениями в обществе, а также с отсутствием специальных мест для хранения археологических и нумизматических собраний, в июне 1896 г. члены Туркестанского кружка любителей археологии сделали запрос у местных властей о выделении особого помещения для музея, а также библиотеки Кружка. Первые попытки открыть музей не увенчались успехом, поэтому в 1890-х гг. археологическая коллекция была передана Ташкентскому Публичному музею под руководством секретаря Кружка, учёного Абубакира Ахметжановича Диваева. При передаче этих материалов представители Туркестанского кружка любителей археологии поставили несколько условий перед музеем: «В описи музея коллекция археологического Кружка должна быть записана особо, при новом поступлении археологических предметов Кружка в музей таковые должны также отмечаться, без ведома и разрешения Кружка археологические предметы его не могут быть ни передаваемы в другое место, ни уничтожаемы» ([Протоколы Туркестанского..., 1899: 93-94](#)).

Во второй половине XIX в. с постепенным развитием науки, открытием Русского географического общества и других научных и исследовательских учреждений Российской империи, всё чаще стоял вопрос о повсеместном открытии музеев. Перед учёными стояла задача не просто сохранить памятники от внешних угроз, но и изучать их в дальнейшем. В своей статье в газете «Восточное обозрение» русский путешественник Модест Богданов очень тонко отметил, что «наука не ценит ученойшего труда, если нет возможности видеть, осязать, изучать те вещественные материалы на которых они построены» ([Богданов, 1883: 3](#)). По его мнению, музеи должны открываться для того, чтобы проверить предыдущие выводы исследований.

Важным событием для истории казахского музейного дела является открытие музея в Семее в 1883 г. Музей был открыт при Статистическом комитете при поддержке военного и государственного деятеля, военного губернатора Семипалатинской области Александра Петровича Проценко ([Обзор Семипалатинской..., 1884](#)). До открытия отделов Русского географического общества на территории Казахстана музейным делом занимались прибывшие офицеры. Музей включал в себя коллекции антропологии, зоологии, истории и археологии, этнографии и естествознания. Имеются сведения о пополнениях музейной коллекции различными археологическими, этнографическими и историческими артефактами. Например, сотрудник отдела археологии Ф.Н. Педашенко собрал некоторые предметы каменного, бронзового и раннего железного веков с окрестностей Семипалатинска, которые описал в реферате к Протоколу общего собрания членов Семипалатинского Географического подотдела ([Педашенко, 1903](#)). Исследователями отмечено, что в Семипалатинском Областном музее коллекция средневековых каменных изваяний была собрана случайным образом и формировалась, в основном, в дореволюционный период ([Файзуллина, Асанова, 2022: 25](#)).

В 1888 г. сотрудники Семипалатинского музея в результате обработки и систематизации музейного фонда издали каталог археологической коллекции, в которой насчитывалось 85 предметов ([Адрианов, 1929: 5](#)).

В 1915 г. Н.И. Веселовский в своём обзоре не просто рассматривает методологические подходы к изучению, классификации каменных изваяний, но и ставит вопрос о состоянии памятников. Он приводит несколько государственных указов второй половины XIX в., в которых выражается обеспокоенность представителей администрации различных уровней о сохранности каменных изваяний. По мнению автора, даже министр внутренних дел Л.А. Перовский, отличавшийся «исключительной любовью к археологии» ([Веселовский, 1915: 13](#)), не смог справиться с представителями местных властей, которые не препятствовали в использовании каменных изваяний

в качестве строительного материала или предметов украшений в садах и усадьбах. Согласно информации, обнаруженной в государственных переписках, эти памятники были использованы в качестве дорожных знаков, для фундаментов церквей, для строительства мельниц, погребов и других зданий (Веселовский, 1915: 13-17).

Опираясь на исследование Н.И. Веселовского можно сделать вывод, что отсутствие определённой системы процесса изучения и охраны со стороны определённых исследовательских институтов, например, Императорской Академии наук, привело к частичному исчезновению археологических материалов эпохи тюрков. Например, в его работе приведены факты принятия решения низшими чинами об уничтожении «каменных баб»: «При переправе через мост р. Терешки, бросили болвана в воду, сказав, что он сам выпрыгнул из телеги» (Веселовский, 1915: 16). Такое попустительское отношение местных представителей административной системы царской России, за редким исключением, автор объясняет тем, что они не понимают и не ценят «предметы старины», тем самым уничтожая археологическое наследие.

В своём очерке А.А. Адрианов также отмечает упадок состояния Семипалатинского музея, ссылаясь на «бездоходное» посещение в отличие от библиотеки, которая «давала некоторый приток денежных средств в виде платы за пользование книгами» (Адрианов, 1929: 4). 21 июля 1893 г. Семипалатинский музей перешёл к Обществу Попечения о начальном образовании (Адрианов, 1929: 5).

Ситуация в сохранении и популяризации тюркского наследия начала стабилизироваться в начале XX в., а в дальнейшем укрепилась с приходом советской власти. Уже в 1903 г. в обзоре Семипалатинской области отмечено, что среди учреждений, «содействующих делу народного образования и преследующих просветительные цели», помимо библиотек имеется Областной музей (Обзор Семипалатинской, 1904: 77).

5. Заключение

Роль музеев выходит за рамки простого сохранения; они служат мостом между прошлым и настоящим, способствуя более глубокому пониманию культурной идентичности. Музеи Казахстана, основанные благодаря инициативам исследователей Российской империи, сыграли значительную роль в сохранении тюркского наследия. Они не только защищают археологические артефакты, такие как каменные изваяния, от природных и антропогенных угроз, но и служат центрами для исследований, образования и культурной преемственности. Усилия таких учреждений, как Кунсткамера и Туркестанский кружок любителей археологии, подчёркивают важность сотрудничества учёных и государственных учреждений в деле сохранения культурных ценностей и предметов древности по всей Центральной Азии.

Проведённое исследование позволило комплексно рассмотреть процесс музеефикации тюркских каменных изваяний на территории Казахстана в XVIII – начале XX в., продемонстрировав его сложный и многогранный характер. Мы проследили, как эти сакральные объекты ландшафта трансформировались в музейные экспонаты, становясь не просто объектами научного изучения, но и инструментами культурной идентификации и просвещения.

Изначально сбор тюркских древностей осуществлялся в рамках первых академических экспедиций под патронажем Кунсткамеры и Императорской Академии наук. Указ Петра I 1718 г. заложил институциональные основы для систематического сбора «необыкновенных вещей», что стало первым шагом к формированию музейных коллекций. На этом раннем этапе основной целью было сохранение артефактов от утраты, связанной как с природными, так и с антропогенными факторами, включая вандализм и использование камней в строительстве.

Ключевым этапом в развитии музеефикации стало становление Туркестанского кружка любителей археологии во второй половине XIX в. Деятельность членов кружка, включая таких выдающихся учёных, как В. Радлов и А. Уваров, не только значительно расширила археологические знания о тюркском наследии, но и способствовала формированию первых систематизированных коллекций, которые легли в основу региональных музеев в Ташкенте, Оренбурге, Семипалатинске и Алматы. На примере Семипалатинского Областного музея ярко видно, как музеи из простых хранилищ постепенно эволюционировали в просветительские центры.

Выводы А.С. Уварова, представленные в его докладе 1869 г., стали первым серьёзным шагом к научной классификации и осмыслению каменных изваяний, подчёркнув их ценность как исторических источников. Однако, несмотря на научные достижения и отдельные государственные инициативы, сохранялись значительные проблемы с охраной памятников на местах, о чём свидетельствуют наблюдения Н.И. Веселовского. Это подчёркивает неравномерность и сложность процесса музеефикации, где научный интерес соседствовал с недостаточным вниманием со стороны местных администраций.

Деятельность российских учёных в сохранении археологических памятников тюркской эпохи была многогранна и охватывала как академические, так и общественные инициативы. С одной стороны, такие учреждения, как Императорская Академия наук и Русское географическое общество, активно организовывали экспедиции, проводили исследования и публиковали научные труды, что значительно расширяло знания о тюркском наследии. Именно благодаря усилиям таких учёных, как

Д.Г. Мессершмидт, А.С. Уваров, В.В. Радлов, В.М. Веселовский, происходило выявление, описание и первичная классификация тюркских каменных изваяний и других археологических объектов. Они не только собирали артефакты, но и закладывали основы для их научного изучения.

С другой стороны, культурная политика Российской империи играла двойственную роль. С одной стороны, Пётр I инициировал создание Кунсткамеры и Академии наук, что стало фундаментом для развития музейного дела и археологической науки в России. Эти государственные учреждения способствовали сбору и сохранению древностей, в том числе из Центральной Азии. Во второй половине XIX в., с расширением влияния империи в Средней Азии, возрастал интерес к местным древностям. Создание таких организаций, как Туркестанский кружок любителей археологии, хоть и было инициативой местного научного сообщества, тем не менее, происходило в рамках имперской политики по изучению присоединённых территорий. Передача коллекций в государственные музеи и создание новых учреждений, таких как Областной музей в Семипалатинске, демонстрировали попытку централизовать и контролировать процесс сохранения наследия.

Однако, с другой стороны, имперская культурная политика не всегда была последовательной и эффективной в вопросах охраны памятников на местах. Несмотря на отдельные указы и инициативы, зачастую отсутствовал действенный механизм контроля за сохранностью артефактов. Случаи вандализма, использования каменных изваяний в хозяйственных целях, отмеченные многими исследователями того времени, свидетельствуют о том, что централизованная политика не всегда достигала периферии или сталкивалась с безразличием местных властей. Таким образом, процесс сохранения археологических памятников тюркской эпохи был результатом сложного взаимодействия научного энтузиазма, государственных инициатив и зачастую недостаточного понимания ценности наследия на местах.

В заключение, процесс музеефикации тюркских каменных изваяний в рассматриваемый период демонстрирует постепенный переход от хаотичного сбора к систематическому сохранению, научному изучению и активной популяризации археологического наследия. Музеи трансформировались из простого хранилища «древностей» в важные институты, способствующие не только академическим исследованиям, но и формированию исторического самосознания, играя ключевую роль в диалоге между прошлым и настоящим.

Литература

- Адрианов, 1929** – Адрианов А.А. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея. Вып. 2. Семипалатинск, 1929. 16 с.
- Бартольд, 1897** – Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894. СПб., 1897. 151 с.
- Богданов, 1883** – Богданов М. Несколько слов о деятельности Сибирских ученых учреждений // *Восточное обозрение*. 1883. № 13. С. 2-3.
- Веселовский, 1900** – Веселовский Н.И. История Императорского Русского Археологического Общества за первое десятилетие его существования, 1846–1896. СПб., 1900. 515 с.
- Веселовский, 1915** – Веселовский Н.И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах». Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915. 40 с.
- Жебелев, 1948** – Жебелев С.А. Археолог-энтузиаст (Памяти А.А. Спицына) // *Советская археология*. 1948. X. С. 9-11.
- Ибраева, 2012** – Ибраева А.Ф. Қазақстан музейлері: тарих және тағылым. Астана, 2012. 536 б.
- Летопись Кунсткамеры** – Летопись Кунсткамеры. 1714–1836. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.
- Липский, 1970** – Липский А.Н. Енисейские изваяния (Путеводитель). Абакан, 1970. 20 с.
- Лунин, 1958** – Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895-1917 гг.). Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1958. 320 с.
- Музей и власть, 1991** – Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XIX вв.). М., 1991. 323 с.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
- Обзор Семипалатинской..., 1884** – Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского Областного Правления, 1884. 80 с.
- Обзор Семипалатинской..., 1904** – Обзор Семипалатинской области за 1903 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского Областного Правления, 1904. 76 с.
- Палаты Санктпетербургской..., 1741** – Палаты Санктпетербургской Императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры: Которых представлены планы, фасады и профили, приписанные ей императорскому высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России. СПб., 1741. 16 с.
- Педашенко, 1903** – Педашенко Ф.Н. Реферат Педашенко об археологических находках в окрестностях г. Семипалатинска / *Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела РГО*. Семипалатинск, 1903. С. 14-28.
- Пекарский, 1870** – Пекарский П. История Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1870. 817 с.

- [ПСЗРИ, 1718](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). Т. 5 (1713–1719): Законы № 2620–3479. С. 541–542.
- [ПСЗРИ, 1724](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825). Т. 7 (1723–1727): Законы № 4137–5219. С. 220–224.
- [Протоколы Туркестанского..., 1899](#) – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. 1899. IV.
- [Путевой журнал..., 2021](#) – Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.
- [Радлов, 1893](#) – *Радлов В.В.* Атлас древностей Монголии [Атлас] (Труды Орхонской экспедиции). Вып. 2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892–1899, 1893. 28 с.
- [Савинов, 2021](#) – *Савинов Д.Г.* Культурно-хронологическая атрибуция рисунков памятников археологии из рукописи Д.Г. Мессершмидта «Sibiria Perlustrata». СПб.: «Реноме», 2021. С. 252–265.
- [Уваров, 1871](#) – *Уваров А.С.* К вопросу о каменных бабах // *Труды Первого археологического съезда в Москве.* 1869. Т. II. М., 1871. С. 501–520.
- [Файзуллина, Асанова, 2022](#) – *Файзуллина Г.Ш., Асанова С.А.* Музейное дело Казахстана: вопросы истории и практики. Алматы: Университет “Туран”, 2022. 344 с.
- [Ядринцев, 1885](#) – *Ядринцев Н.М.* Древние памятники и письмена в Сибири. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1885. 23 с.
- [Ibrayeva, Sydykov, 2024](#) – *Ibrayeva A.G., Sydykov A.Zh.* Theoretical and Methodological foundations for Creating a Historical Exhibition in the Museums of Kazakhstan // *Turkic Studies Journal.* 2024. № 6(3). Pp. 122–138.
- [Khabdulina, Koshman, 2023](#) – *Khabdulina M.K., Koshman T.V.* Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region // *Bylye Gody.* 2023. 18(4): 1797–1808.

References

- [Adrianov, 1929](#) – *Adrianov, A.A.* (1929). Kratkij istoricheskij ocherk Semipalatinskogo muzeya [A brief historical sketch of the Semipalatinsk Museum]. Вып. 2. Semipalatinsk, 16 p. [in Russian]
- [Bartold, 1897](#) – *Bartold, V.V.* (1897). Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoj celyu [A report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894]. 1893–1894. Sankt-Peterburg. 151 p. [in Russian]
- [Bogdanov, 1883](#) – *Bogdanov, M.* (1883). Neskolko slov o deyatelnosti Sibirskih uchenyh uchrezhdenij [A few words about the activities of Siberian scientific institutions]. *Vostochnoe obozrenie.* 13: 2–3. [in Russian]
- [Fajzullina, Asanova, 2022](#) – *Fajzullina, G.Sh., Asanova, S.A.* (2022). Muzeinoe delo Kazakhstana: voprosy istorii i praktiki [Museum business of Kazakhstan: issues of history and practice]. Almaty: Universitet “Turan”, 344 p. [in Russian]
- [Ibrayeva, 2012](#) – *Ibrayeva, A.G.* (2012). Qazaqstan muzejleri: tarih zhәне tagylym [Museums of Kazakhstan: history and teaching.]. Astana, 536 p. [in Kazakh]
- [Ibrayeva, Sydykov, 2024](#) – *Ibrayeva, A.G., Sydykov, A.Zh.* (2024). Theoretical and Methodological foundations for Creating a Historical Exhibition in the Museums of Kazakhstan. *Turkic Studies Journal.* 6(3): 122–138.
- [Khabdulina, Koshman, 2023](#) – *Khabdulina, M.K., Koshman, T.V.* (2023). Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region. *Bylye Gody.* 18(4): 1797–1808.
- [Letopis Kunstkamery](#) – *Letopis Kunstkamery.* 1714–1836 [The Chronicle of the Kunstkamera. 1714–1836]. SPb:MAE RAN, 2014. 740 p. [in Russian]
- [Lipskij, 1970](#) – *Lipskij, A.N.* (1970). Enisejskie izvayaniya (Putevoditel) [The Yenisei sculptures (Guidebook)]. Abakan, 20 p. [in Russian]
- [Lunin, 1958](#) – *Lunin, B.V.* (1958). Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskij kruzhek lyubitelej arheologii (1895–1917 gg.) [From the history of Russian Oriental Studies and archeology in Turkestan. Turkestan Circle of Archeology Lovers (1895–1917)]. Tashkent: Izd-vo AN Uzbekskoj SSR. 320 p. [in Russian]
- [Muzej i vlast, 1991](#) – *Muzej i vlast.* Gosudarstvennaya politika v oblasti muzejnogo dela (XVIII–XIX vv.) [The museum and the government. State policy in the field of museum business (XVIII–XIX centuries)]. М., 1991. 323 p. [in Russian]
- [Nalivkin, 1913](#) – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemcy ranshe i teper [Natives before and now]. Tashkent. [in Russian]
- [Obzor Semipalatinskoj..., 1884](#) – *Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1883 god* [Overview of the Semipalatinsk region in 1883]. Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya, 1884. 80 p. [in Russian]
- [Obzor Semipalatinskoj..., 1904](#) – *Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1903 god* [Overview of the Semipalatinsk region in 1903]. Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya, 1904. 76 p. [in Russian]
- [Palaty Sanktpeterburgskoj..., 1741](#) – *Palaty Sanktpeterburgskoj Imperatorskoj Akademii nauk Biblioteki i Kunstkamery* : Kotoryh predstavleny plany, fasady i profili, pripisannyya eya imperatorskomu

vysochestvu gosudaryne velikoj knyagine i pravitel'nice vseya Rossii [The Chambers of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, Libraries and Kunstkamera: Which feature plans, facades and profiles attributed to Her Imperial Highness the Grand Duchess and Ruler of All Russia]. Sankt Peterburg, 1741. 16 p. [in Russian]

Pedashenko, 1903 – *Pedashenko, F.N.* (1903). Referat Pedashenko ob arheologicheskikh nahodkakh v okrestnostyah g. Semipalatinska [Pedashenko's abstract on archaeological finds in the vicinity of Semipalatinsk]. Otchet o deyatel'nosti Semipalatinskogo podotdela RGO. Semipalatinsk. Pp. 14-28. [in Russian]

Pekarskij, 1870 – *Pekarskij, P.* (1870). Istoriya Imperatorskoj Akademii nauk [History of the Imperial Academy of Sciences]. Vol I. Sankt-Peterburg. 817 p. [in Russian]

Protokoly..., 1899 – Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelej arheologii [Protocols of the Turkestan Archeology Lovers' Circle]. 1899. IV. [in Russian]

PSZ RI, 1718 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie (1649–1825). T. 5 (1713–1719): Zakony № 2620-3479. Pp. 541-542. [in Russian]

PSZ RI, 1724 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. T. 7 (1723–1727): Zakony № 4137-5219. Pp. 220-224. [in Russian]

Putevoj zhurnal..., 2021 – Putevoj zhurnal Danielya Gotliba Messerschmidta. Nauchnaya ekspediciya po Enisejskoj Sibiri. 1721–1725 gody [Travelogue by Daniel Gottlieb Messerschmidt. Scientific expedition to Yenisei Siberia. 1721–1725 years]. Krasnoyarsk: RASTR, 2021. 496 p. [in Russian]

Radlov, 1893 – *Radlov, V.V.* (1893). Atlas drevnostej Mongolii [Atlas] (Trudy Orhonskoj ekspedicii) [Atlas of Mongolia's Antiquities [Atlas] (Proceedings of the Orkhon expedition)]. Vyp. 2. SPb: tip. Imp. Akad. nauk, 1892–1899, 1893. 28 p. [in Russian]

Savinov, 2021 – *Savinov, D.G.* (2021). Kulturno-hronologicheskaya atribuciya risunkov pamyatnikov arheologii iz rukopisi D.G. Messerschmidta «Sibiria Perlustrata» [Cultural and chronological attribution of drawings of archaeological monuments from D.G. Messerschmidt's manuscript “Sibiria Perlustrata”]. SPb. : «Renome». Pp. 252-265. [in Russian]

Uvarov, 1871 – *Uvarov, A.S.* (1871). K voprosu o kamennyh babah [To the issue of the stone women]. Trudy Pervogo arheologicheskogo s"ezda v Moskve. T. II. M. Pp. 501-520. [in Russian]

Veselovskij, 1900 – *Veselovskij, N.I.* (1900). Istoriya Imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo Obshhestva za pervoe desyatiletie ego sushhestvovaniya, 1846–1896 [The history of the Imperial Russian Archaeological Society in the first decade of its existence, 1846–1896]. SPb. 515 p. [in Russian]

Veselovskij, 1915 – *Veselovskij, N.I.* (1915). Sovremennoe sostoyanie voprosa o «kamennyh babah» ili «balbalah». Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshhestva Istorii i Drevnostej [The current state of the issue of “stone women” or “balbals”. Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities]. T. XXXII. Odessa, 40 p. [in Russian]

Yadrincev, 1885 – *Yadrincev, N.M.* (1885). Drevnie pamyatniki i pismena v Sibiri [Ancient monuments and writings in Siberia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.N. Skorohodova. 23 p. [in Russian]

Zhebelev, 1948 – *Zhebelev, S.A.* (1948). Arheolog-entuziast (Pamyati A.A. Spicyna) [An enthusiastic archaeologist (In memory of A.A. Spitsyn)]. *Sovetskaya arheologiya*. X: 9-11. [in Russian]

Роль российских исследователей XVIII–XIX вв. в музеефикации тюркских каменных изваяний на территории Казахстана

Марал Калымжановна Хабдулина ^a, Аягоз Канатовна Султанова ^{a, *}

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Во второй половине XIX в. на территории Казахстана появились первые музеи, и в их открытии большую роль сыграла деятельность Туркестанского кружка любителей археологии и Императорского Русского Географического общества. В этот период формирование музейного дела в регионе шло под влиянием культурной политики Российской империи. Первыми объектами изучения для российских исследователей, проникавших в казахские степи, стали каменные изваяния тюркского периода. Именно они, будучи наиболее заметными и привлекательными для исследователей, стали экспонатами первых музейных экспозиций. Уже в XIX в. была осознана значимость этих артефактов для исторической науки, а также возникла острая необходимость в их сохранении и популяризации.

Цель статьи – показать сложный процесс перевода каменных изваяний из объекта природного ландшафта в полноценные музейные экспозиции. Для достижения этой цели в работе особое внимание уделяется этапам музеефикации тюркских каменных изваяний, начиная с первых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gozka16@gmail.com (А.К. Султанова)

археологических исследований и сбора артефактов в XVIII в. и заканчивая созданием музеев, способствовавших их сохранению.

При изучении процесса формирования музейной коллекции тюркских изваяний были использованы хронологический и историко-генетический метод, для проведения сравнений применялись источниковедческий метод и метод контент-анализа документов.

Статья акцентирует внимание на трансформации деятельности и роли музеев. Они эволюционировали от простых хранилищ до активных центров по сохранению, исследованию и популяризации археологических находок, а также их использованию в целях просвещения для разных категорий посетителей.

Ключевые слова: музеефикация, Кунсткамера, экспозиция, Казахстан, древнетюркская культура, каменные изваяния, Туркестанский кружок любителей археологии.